

А. Музычко

Эпоха Наполеоновских войн в восприятии южнукраинских историков XIX – начала XX вв.: гlorификация и критицизм

Южная Украина (Новороссийский край конца XVIII – начала XX вв.) не принадлежала к наиболее важным центрам эпохальных военно-политических событий начала XIX в., известных как Наполеоновские войны с их ключевым эпизодом — российским походом армии Наполеона Бонапарта 1812 г. (в российской идеолого-историографической традиции — Отечественная война 1812 года). Наиболее элегантно эту мысль высказал одесский историк А. Флоровский: «события войны 1812 года не коснулись непосредственно тех местностей Южной России, которые обнимаются общим названием Новороссийского края. Его историк поэтому в нынешнюю столетнюю годовщину вторжения Наполеона в Россию лишен возможности считать «старые славные раны»... Но и этому, так отдаленному от театра военных действий, еще только устраивавшемуся краю не были совершенно чужды все моменты борьбы с Наполеоном, и его население не безучастно следило за ходом событий. Новороссийскому краю есть, что вспомнить в нынешнюю столетнюю годовщину Отечественной войны, но только в этих воспоминаниях мало яркости, движения, почти нет живых лиц»¹. И хотя южнукраинская историография действительно, прежде всего, в связи с обстоятельством, отмеченным историком, не дала монументальных результатов в исследовании этой эпохи, сегодня мы имеем возможность не только продолжить конкретно-исторические исследования 1812 г., но и проследить местную историографическую традицию, в том числе с целью поиска наиболее адекватных интеллектуальных подходов в сегодняшних реалиях.

Как и все историографические центры, южнукраинские в начале своего пути развивались на основе краеведческого дискурса. Геродот или Нестор Новороссийского края А. Скальков-

ский также стал первопроходцем в отношении эпохи 1812 г. Реконструируя хронологию развития Новороссии с первой половины XVIII в. до начала 1820-х гг., он выделил 1812–1823 гг. как отдельную, шестую, эпоху в истории края². В таком подходе отразилось стремление историка к прагматической историографии, которая стремилась изображать события в их логической связи на фоне глобальных изменений. Несмотря на то что приведенные историком выдержки из источников свидетельствовали только об опосредованном участии края в войне 1812 г. (за исключением отдельных личностей, например, В. Скаржинского), таким образом, ему удалось вписать историю региона в общую историю Российской империи и даже Европы.

Этот подход историк повторил в работе по истории Одессы, где, прежде всего, сосредоточился на описании ужасов чумы, не позволивших горожанам более активно поддержать свою Родину и царя. От создания более общей картины в стиле древних летописцев автор отказался: «не наше дело описывать невероятные доблести Русского народа и великие подвиги Русского воинства; другой, более сведущий, более красноречивый и опытный писатель составляет об них самое правдивое сказание (В. Михайловский-Данилевский)»³. Вообще, своеобразное «оправдание» Одессы и края в «бездействии» в связи с чумой после А. Скальковского станет идейной подоплекой всех краеведческих студий XIX в., например, пера К. Смольянинова, В. Надлера и др. В их работах приводились лишь летописные факты в отрыве от эпохи, в чем можно увидеть регресс сравнительно с работами основателя одесской историографии. На этом фоне ожидать каких-то всемирно-исторических очерков, портретов Наполеона или Александра, от одесских и тем более николаевских, херсонских, екатери-

нославских и др. историков не приходилось. Хотя, безусловно, определенные замечания об этой эпохе, роли Одессы и других местностей края содержались в лекциях преподавателей Ришельевского лицея и тем более Новороссийского университета.

Именно профессура последнего была призвана дать серьезные исследования эпохи 1812 г., хотя, заметим, что довольно длительное время, особенно до 1911–1913 гг., эта тема была приоритетной в имперской идеологии, не в историографии. Для Одессы можно считать определенной неудачей и негативным стечением обстоятельств (хотя сказалась и местная краеведческая конъюнктура) тот факт, что местные светила в области западноевропейской новистики дали довольно ценные труды по эпохе Наполеона, в частности, его роли в истории России, или до (В. Надлер), или после (А. Трачевский, Г. Афанасьев) деятельности в Одессе и Новороссийском университете. Впрочем, в Одессе эти ученые все же оставили соответствующий след, хотя и фактически обусловленный их работой в доодесский период, или подготовительный к основным исследованиям, уже вне Одессы. Так, В. Надлер в первый год своей работы в Новороссийском университете и в последний год своей жизни успел выступить с докладом «О значении новых архивных материалов для истории Наполеона I» на заседании Историко-филологического общества при Новороссийском университете и параллельно с этим подготовил к печати последний том своего фундаментального пятитомного исследования «Император Александр I и идея Священного союза», изданного в городе его предыдущего места работы Харькове. На заседании этого же общества Г. Афанасьев доложил «О новых сочинениях о Наполеоне I». В Одессе А. С. Трачевский готовил первый том многотомного издания «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I» («Документы архивов парижского и петербургского за 1800–1808 годы», напечатанных уже в Санкт-Петербурге в «Сборнике Императорского Русского Исторического Общества» в 1890–1894 гг., когда автор уже преподавал в Петербурге).

Других следов исследования Наполеоновской эпохи в деятельности Одесского общества истории и древностей, Таврической ученой архивной комиссии, Историко-филологического общества или трудах их южноукраинских членов до начала XX в. обнаружить не удалось. Формировавшаяся во второй половине XIX —

начале XX в. украинская историографическая традиция также не демонстрировала интереса к этому вопросу. Так, в известной популярной «Истории Украины» 1908 г. николаевца Микола Аркаса лишь очень кратко упомянуто о наборе в 1812 г. во время российско-французской войны в казачьи полки на территории Украины⁴.

Ситуация радикально изменилась только в период подготовки и проведения празднеств к юбилею Отечественной войны 1812 г. Помпезность празднеств, действовавшая не только на интеллигенцию, но и на историческую память масс, обеспечивалась преддверием еще более важного праздника — 300-летия воцарения династии Романовых в 1913 г., а также ультрапатриотическим составом большинства местных городских дум Новороссийского края, который они продемонстрировали в 1909 г. во время празднования Полтавской победы, аналогичного по своим идеологическим задачам и масштабам.

Украинский одесский историк Михаил Елисеевич Слабченко, аспирант профессора И. Линниченко, командированный с научной целью летом 1911 г. во Францию (интересно, что накануне разгара празднеств в Российской империи он был в Париже, имея, таким образом, возможность повариться совсем в иной атмосфере, и не исключено, что это также обусловило его критицизм в отношении событий 1812 г. в 1920-х гг.)⁵, и преподаватель Одесского кадетского училища Павел Маркович Андрианов первыми обратились к теме 1812 г. в 1911 г. М. Слабченко опубликовал в киевском издании статью об участии албанцев в армии Наполеона и лишь опосредованно коснулся влияния войны на Российскую империю, а П. Андрианов, наоборот, стремился в общем охватить эпоху в истории России и ее армии. Если для М. Слабченко статья была только производной от его парижских изысканий и может быть вообще не была вызвана его стремлением издать статью на злобу дня, то этого никак нельзя утверждать в отношении П. Андрианова.

Несравненно менее известный сегодня, чем М. Слабченко, П. Андрианов (1877–1918) в начале XX в. занимал уникальное место в южноукраинской историографии, будучи одним из очень немногочисленных, если не сказать единственным «чистым» военным историком. Уроженец Николаева, выпускник местного реального училища (1895), Московского военного училища (1897) и Николаевской академии Генерального Штаба (1903), он в

1904–1909 гг. служил обер-офицером для поручений при штабе Одесского военного округа. В 1909–1914 гг. преподавал военные науки (в том числе историю русской армии) в Одесском военном училище. Был действительным членом Одесского отделения Императорского военно-исторического общества, членом педагогического отдела Историко-филологического общества при Новороссийском университете. В 1909 г. совершил поездку по Нижнему Дунаю и в Румынию с целью исследования мест бывших русско-турецких войн. Читал публичные лекции, редактировал одесские иллюстрированные военно-патриотические журналы «Русский Воин» и «Родина».

В соавторстве с другими авторами П. Андрианов издал такие брошюры, как «Введение в курс топографии», «Молодая дружина. Руководство для преподавания военного строя и гимнастики в учебных заведениях», «Справочная книга военного врача и пособие для решения санитарно-технических задач».

П. Андрианов и М. Слабченко схожи тем, что оба служили в действующей армии в годы войны, оба выступали в роли экспертов в одесской прессе и даже пытались художественно изобразить военные будни. Причем если П. Андрианов восславлял силу русского оружия⁶, то М. Слабченко в стиле Э.-М. Ремарка описывал страдания солдата, который в окопе думает о вечном: «Хоч би ранило, аби не вбило, плинуть в мене думки. Тяжко бути забитим. Холодно, певно, в землі, й вона буде давити груди, наб'ється в горло, пройде в середину й живіт, так гидко розбухший. А для чого та війна, Господи? Спини, Боже, ту стрілянину. Я знаю, недостойн я звертатися до тебе з таким проханням, але що варт тобі заховати мені життя? Ти ж знаєш, як би я зараз хтів побачити свого синочка... І мені ввижається, що синок сидить в школі; або біга по дворі, ганяючи жовте колесо, а за ним біга собачка. Як її звать? Ось крутиться, а не згадаю. Жінку не могу так собі уявити. Окремі риси її фізіономії виразно бачу — очі, ніс, посмішку, а всіх зібрати не могу. А така близька, така дорога! Та коли ж та стрілянина скінчиться? Ну хоч би ми стріляли, а то сидимо»⁷. Впрочем, уже незадолго до смерти П. Андрианов (убитый в Киеве в декабре 1918 г.) ощутил эволюционировал в сторону пацифистского восприятия войны⁸.

Уже с 1907–1909 гг. П. Андрианов специализировался на издании популярной историко-военной литературы о различных русских военных деятелях и победах русского оружия.

Об успехе его изданий свидетельствует тот факт, что в 1909 г. он получил первую премию на конкурсе Императорского русского военно-исторического общества и комиссии по подготовке празднования юбилея Полтавской виктории. Комиссию привлек ясный, яркий язык книг. Брошюра «Петр и Полтава» была издана в количестве 500 тысяч экземпляров для бесплатной раздачи среди военных и учащихся⁹. Но самое важное — его брошюры отличались ура-патриотическим стилем и содержанием, что естественно перемещало их из сферы науки в сферу идеологии и патриотического воспитания, хотя автор оперировал фактами, взятыми из научной литературы, и не прибегал к фальсификации событий, а лишь к умалчиванию некоторых «неудобных» мест¹⁰.

В наследии П. Андрианова десяток брошюр об участии Российской империи в Наполеоновских войнах, изданных в 1911–1914 гг. в Одессе и Санкт-Петербурге¹¹. Естественно, в 1914 г. его брошюры об Отечественной войне приобрели особенно актуальное звучание. Кроме того, в конспекте по истории русской армии он более лаконично и системно осветил влияние Наполеоновских войн и Отечественной войны на развитие русского общества и военного искусства, отмечая сплочение народа вокруг трона, боевой опыт, установление гегемонии России в Европе¹².

Реагируя на социальный заказ, а также увлеченные патриотическим порывом, к празднованию закономерно подключились историки России и новисты-европеисты. Известный историк Евгений Николаевич Щепкин выступил в одесской либеральной газете с оригинальной статьей на, казалось бы, банальную тему о Бородинской битве. Увлеченный психологическим подходом в трактовке исторических явлений, автор, прежде всего, сосредоточился на изображении психологического состояния М. Кутузова и других в войне и битве¹³. Именно в этом аспекте и состоялась главная победа российской армии. Он же единственный из южноукраинских и вообще украинских историков того времени опубликовал статью в знаменитом юбилейном семитомнике об Отечественной войне. Впрочем, эта его статья была только летописно-повествовательной¹⁴.

В отличие от М. Слабченко, другой ученик И. Линниченко Симон Лукич Авалиани сосредоточился именно на событиях Отечественной войны. Как и Е. Щепкину, одесситу удалось «пробиться» на столичный уровень, издав свою статью, а затем и брошюру в питерском «Жур-

нале Министерства народного просвещения». Основой статьи были документы и архив покойного профессора А. Назимова, переданный автору И. Линниченко. С. Авалиани, хоть и в более умеренном, чем П. Андрианов, тоне, отмечал патриотическое сплочение народа в 1812 г., сетуя на то, что бытовая история войны уступает по степени изученности политической. В статье он добавил несколько документальных штрихов об этом патриотическом движении, социальной борьбе крестьян, политике властей в отношении поляков, военнопленных, не делая никаких своих выводов¹⁵. Это опять же придавало статье вид летописной заметки. В подобном стиле написала свою статью ученица И. Линниченко Доротея Атлас, сосредоточившись на преданиях одесских старожилов о войне¹⁶.

Хотя материалы о работе Новороссийского университета не говорят о какой-либо активизации учебного и научного процесса в сторону изучения Отечественной войны (ни Е. Щепкин, ни С. Авалиани не преподавали в то время в университете), работы некоторых профессоров и студентов все же могут быть интерпретированы как отражающие «злобу дня». Так, на практических занятиях у профессора кафедры общей истории В. Крусмана студент Палиев подготовил рефераты «Политика Наполеона I по отношению к Германии» и «Записки Таркена, офицера армии Наполеона I», а в дальнейшем известный историк Ф. Петрунь выступил о Мюрате¹⁷. Профессор кафедры русской истории И. Линниченко предложил студентам тему для медальной работы «Политические отношения России и Франции в период царствования императора Александра I», однако, не нашел отклика.

Откликнулись на юбилей исторические общества Южной Украины, хотя и с разной степенью размаха. Так, одесские общества истории и древностей и Библиографическое при Новороссийском университете не провели никаких торжественных заседаний и не обратились с коллективными заявлениями и приветствиями. Более того, на заседаниях в 1912 г. с соответствующими моментами докладами выступили только отдельные ученые. В ОБО все тот же С. Авалиани¹⁸, в ООИД — еще один ученик И. Линниченко А. Флоровский. И если С. Авалиани ограничился лишь обзором юбилейной литературы, то А. Флоровский, уже цитированный в начале этой статьи, прочитал и издал один из двух обобщающих очерков об истории Новороссийского края в 1812 г. (о другом —

А. Маркевича, см. ниже), которые и по сей день остаются непревзойденными в южноукраинской регионалистике и краеведении о 1812 г.

Как и С. Авалиани, на основании ранее неизвестных архивных документов, в его случае из архива Новороссийского генерал-губернатора, А. Флоровский описал реакцию жителей Новороссийского края (кроме Одессы) на военные действия, в частности, такие проявления патриотизма, как сборы ополчения, жертвований. Тон статьи вполне нейтральный, без юбилейного пафоса, более того, Антоний Васильевич в конце статьи даже отметил в совсем уже не юбилейном духе, что, как и при любом эпохальном событии, среди населения отмечались две основные группы населения, переживавшие за судьбу страны и равнодушные¹⁹. Историко-филологическое общество ограничилось только делегированием П. Андрианова как своего члена на различные публичные лекции и празднования. Подобная ситуация сложилась в Екатеринославе, где фактически от имени общества на одном из заседаний выступил В. Машуков с двумя докладами о событиях войны, впрочем, уступающими статьям одесских историков²⁰.

Одесситов и екатеринославцев значительно превзошли крымчане в лице членов Таврической ученой архивной комиссии во главе с патриархом крымоведения Арсением Ивановичем Маркевичем. 26 августа 1912 г. состоялось многолюдное торжественное заседание комиссии, на котором, кроме чтения приветственной телеграммы императору, речи губернатора, священников, состоялся один научный доклад А. Маркевича «К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 гг. Исторический очерк», один популярный — Н. С. Беляева «Отечественная война в манифестах, указах и других официальных актах и в сознании русского народа» и чтение стихотворения «Бородино» Л. П. Беляевой. Все три доклада были опубликованы в выпуске «Известий» комиссии²¹. Несмотря на использование многих архивных документов, ценный фактаж, выводы А. Маркевича не отличались глубиной: в них господствовал юбилейный пафос, гипертрофированный, верноподданический патриотизм. Главной задачей он считал не только изучение отношения населения к войне, но и степени преданности его Отечеству и Престолу. Колорит статье, вслед за историей, придал татарский срез проблемы. Автор значительно более подробно, чем одесситы, остановился на фактах участия крымчан в Отечественной

войне, в частности, Бородинском бое. В конце статьи последовал прогнозированный вывод о том, что документы красноречиво (хотя это делал сам историк) говорят о том, что Таврида с честью исполнила свой долг перед Родиной и государем. Впрочем, с позитивистской старательностью и честностью опубликованные А. Маркевичем документальные данные скорее свидетельствовали в пользу мнения А. Флоровского о многозначности отношения населения к войне. В частности, приводились данные о татарских бунтах против российской власти, саботаже военной мобилизации²².

На последующих заседаниях комиссии была заслушана благодарственная телеграмма от императора, одобрено предложение члена комиссии М. Сулькевича об увековечении М. Кутузова, правда, прежде всего, за заслуги в российско-турецких войнах. О ходе своих празднований члены комиссии сообщили Императорскому Русскому Военно-историческому обществу.

После волны юбилейных торжеств историография 1812 г. на Юге Украины снова впадает «в спячку». Лишь в 1917 г. лектор «Одесского народного университета в память революции» Зоя Бабайцева (урожд. Бориневич, дочка известного статистика) и общественный деятель М. И. Кулябко-Корецкий, вероятно, упоминали о войне в своих лекциях, соответственно — «Наполеон I», «История Франции в XVIII–XIX веках».

Тема Отечественной войны не принадлежала к приоритетным в 1920-е гг. в связи с господством в историографии школы М. Покровского с ее национальным нигилизмом. Наибольшее внимание проблеме среди южноукраинских историков посвятил М. Слабченко. В разделе своего общего курса «Міліції й панство в добу Наполеонівських війн» место Украины в событиях войны историк определял таким образом: «Україна не пройшла мимо 1812 року, але взяла участь в інший порівняно з рештою Росії спосіб». Продол-

жая линию А. Флоровского, но уже ставя ее на экономическую и национальную почву, он стремился показать различия в отношении к Наполеону украинских и российских помещиков (буржуазии). М. Слабченко отмечал, что, в отличие от россиян, украинские паны не питали вражды к французскому императору, не чувствуя последствий континентальной блокады. К тому же, зная об интересе императора к украинской истории, в частности, казачеству, и литературе (И. Котляревскому). Более того, они были даже заинтересованы в победе Наполеона. М. Слабченко при этом отметил проявления как непатриотического, так и патриотического поведения (Скаржинский), но в целом сделал вывод в сторону усиления значения первых фактов: «Українські верхи, як і низи громадські, виявилися небезпечними для держави»²³. В целом М. Слабченко первым среди южноукраинских историков стремился включить события войны в контекст украинцентрического видения истории и взглянуть на события не только в краеведческом или региональном дискурсе. В последнем аспекте он, таким образом, продолжил линию своих российско-центрических предшественников С. Авалиани, Е. Щепкина, П. Андрианова.

Итак, в южноукраинской историографии эпохи Наполеоновских войн и Отечественной войны мы видим наличие разных оттенков и подходов, использование новой архивной базы, в чем и состоял главный вклад местных историков в разработку этого аспекта истории. К сожалению, как это не парадоксально, работы историков XIX — начала XX в. были не востребованы в последующей южноукраинской историографии, в которой сложно найти подобные, даже не фундаментальные, очерки. Сегодня украинские историки должны продолжить критическую традицию в оценке событий начала XIX в., избегая примитивизма и глорификации, стремиться органично включить эти сложные события в общую картину украинского и европейского исторического процесса.

- ¹ Флоровский А. В. Отечественная война и Новороссийский край // Записки Императорского Одесского общества истории и древности. — Одесса, 1913. — Т. 31. — С. 23–51.
- ² Скальковский А. Хронологическое обозрение Истории Новороссийского Края 1730–1823. — Одесса, 1836. — С. 196–260.
- ³ Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. — Одесса, 1837. — С. 189.
- ⁴ Аркас М. Історія України-Русі. — К., 1990. — С. 369.
- ⁵ Слабченко М. Албанский полк на службе Наполеона // Военно-исторический вестник. — 1911. — К. 9–10. — С. 211–215.
- ⁶ Андрианов П. М. Очерки войны (письма из действующей армии). — Одесса, 1915. — В. 1. — 24 с.
- ⁷ М.С. В окопах // Вільне життя. — 1918. — 26 липня.
- ⁸ Андрианов П. Четыре года // Одесский листок. — 1918. — 7 августа.
- ⁹ Журнал Министерства народного просвещения. — 1909. — № 9. — С. 105–106.
- ¹⁰ Скобелев М. Д. — Одесса, 1907; Полтавская битва. — Одесса, 1909; Славное низовое Запорожское войско. — Одесса, 1910; Суворов в Рымникском сражении: [Ист. записка] по поводу открытия памятника генералиссимусу А. В. Суворову на Рымникском поле сражения. — Одесса, 1913; Гангутское сражение 27 июля 1714 г. — Одесса, 1914; Святой равноапостольный князь Владимир, его жизнь и деятельность на благо Руси. — Одесса, 1915.
- ¹¹ Преддверие великой годовщины. Борьба России с Францией до Отечественной войны. — Одесса, 1911. — 85 с.; Великая Отечественная война. По поводу 100-летнего юбилея. — СПб., 1912; Бородинский бой. — Спб., 1912. — 43 с.; 1812 год. Отечественная война. — Одесса, 1912. — 131 с.; От Немана до Рейна. Война 1813 года. Борьба за освобождение Европы от ига Наполеона. — Одесса, 1913. — 96 с.; Война 1814 г. От Рейна до Парижа. 1814–1914. — Одесса, 1914. — 96 с.
- ¹² Андрианов П. Конспект по курсу истории русской армии. — Одесса, 1911. — С. 35–50, 47, 50.
- ¹³ Щепкин Е. Н. Нравственная победа: Битва при Бородино: К 100-летию Отечества, 1812–1912 // Южная мысль. — 1912. — 26 августа.
- ¹⁴ Щепкин Е. Н. От Вильны до Смоленска. Взятие Смоленска // Отечественная война и русское общество. — М., 1912. — Т. 3. — С. 180–194.
- ¹⁵ Авалиани С. Л. Заметки к истории войны 1812 года (по неизданным архивным материалам). — СПб., 1914. — 21 с.
- ¹⁶ Атлас Д. Новороссия и Одесса 100 лет тому назад. Июль—август 1812 // Одесские новости. — 1912. — 17 июля.
- ¹⁷ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1912 год. — С. 76.
- ¹⁸ Авалиани С. К столетней годовщине 12-го года // Известия Одесского библиографического об-ва. — 1912. — Т. 1. — В. 6. — С. 196–197.
- ¹⁹ Флоровский А. В. Отечественная война ... — С. 51.
- ²⁰ Машуков В. Д. Копия указа об отставке одного из участников Отечественной войны 1812 г., майора Понтелеева. Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. — В. 8. — 1912. — С. 303–310; Машуков В. Д. К столетнему юбилею Отечественной войны // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. — 1912. — В. 8. — С. 310–312.
- ²¹ ИТУАК. — В. 49. — 1913. — С. 1–101, 101–130, 130–133.
- ²² Маркевич А. К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк. Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1913. — В. 49. — С. 73–74.
- ²³ Слабченко М. Матеріали до економічно-соціальної історії України ХІХ століття. — 1925. — Т. 1. — С. 74–82, 75.